

Маргарита
Южина

Богат
и немного
женат

Маргарита Южина

Богат и немного женат

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169536

Южина М. Богат и немного женат: Роман: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-30612-1

Аннотация

Скучная жизнь Евдокима Филина – заслуженного санитара роддома – текла вяло и предсказуемо до тех пор, пока он не обнаружил в кустах сирени мужчину в плавках. Предложив Филину кольцо с бриллиантом, незнакомец попросил спрятать его до вечера. Ох и зря Дуся соблазнился неожиданным богатством! К вечеру дядька, надежно сокрытый в сарае, отбросил коньки, вернее этому кто-то поспособствовал. Наш спаситель как порядочный вызвал милицию, однако когда опергруппа примчалась на место происшествия, мужчины с проломленным черепом там уже не было. Дуся решил бы, что все это ему примерещилось, если бы его карман не оттягивал золотой перстень с самым настоящим бриллиантом. Итак, благодетель убит, и труп его украден. Теперь даже увалень Дуся готов бороться за справедливость. Он начинает расследование по всем правилам...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	45
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Маргарита ЮЖИНА

БОГАТ И

НЕМНОГО ЖЕНАТ

Глава 1

Утки осенью в большой цене

– Дуся! Евдоким, черт бы тебя побрал!! Куда утки подевал? – во все легкие надрывалась Анна Кирилловна, сестра-хозяйка роддома. – Я ж тебе тысячу раз говорила – без уток наши дамы отказывают выполнять программу президента!! Не хотят они рожать, пока им под кровать уточку не поставишь!! Куда ты их все подевал?!

Молодой мужчина с помидорными щеками и арбузным брюшком – Евдоким Петрович Филин, или, как его все ласково называли, – Дуся, спал в кладовке и криков Анны Кирилловны старательно не слышал. Вообще, он уже тысячу раз отругал себя за доброту, но, как водится, было уже поздно. Дело в том, что он вот уже несколько лет исправно трудился санитаром в роддоме, когда на него вдруг свалилось огромное состояние – умер отец, которого Дуся и не помнил. Умер, и Дуся вмиг сделался богачом. В общем-то, тут

и должна была начаться настоящая, разгульная жизнь, о которой бредит каждый второй мужчина и каждая первая женщина, но не тут-то было. Крепенькая матушка Дуси – Олимпиада Петровна быстренько наложила на богатство свою могучую лапу, и... Дусе про роскошь пришлось забыть. Нет, иногда маменька выделяла ему небольшую кучку денюжек, но это было так редко! Да к тому же коллеги Дуси по работе к тому времени уже успевали выклянчить эти самые денюжки исключительно на нужды роддома, и оставался Евдоким Петрович несолоно хлебавши ждать следующей подачки. За эти покупки, его, правда, отпускали в любой момент в отпуск, не лишали премий и вообще усиленно делали вид, что он незаменимый работник. Вот и сейчас, когда маменька выделила Дусе кругленькую сумму, оказалось, что в их благочестивом роддоме совершенно кончились такие нужные медицинские вещи, как, пардон, утки! И, конечно же, Дуся по доброте душевной, которую, впрочем, все уже давно звали дуростью, взял да и закупил эти ночные медицинские вазы. Целых тридцать штук – по десять на этаж. Приехал, привез. Женщины-санитарочки их лихо похватали, а теперь оказывается, что Анна Кирилловна не успела эдакое богатство поставить на какой-то свой подотчет или что там у нее! И, главное, Дуся же виноват!

А Дуся, между прочим, еле довез эти утки! Он, между прочим, очень дурственно себя чувствовал после маменькиного юбилея, потому что упился, как еще ни разу в жизни.

За ним всегда следила маменька, а тут она отвлеклась на гостей, ну и... Ой, да что там вспоминать, чудно время провел. Правда, теперь вот голова... Вроде девчонки давали какие-то таблетки, даже разводили какую-то муть в стакане, но организм Евдокима упрямо не хотел работать как надо. А потому Дуся валялся в кладовке на старых матрасах и тихонько стонал, наплевав на все вопли Анны Кирилловны. Но и сестра-хозяйка не сдавалась – она уже давно знала все Дусины тайники, и сейчас беззастенчиво ввалилась в кладовку и завопила:

– Дуся! Бесстыжие твои глаза!! Куда, я спрашиваю, утки подевал?!!

– Ну куда-куда... понятно же, осень надвигается, вот они собрались в стаи и улетели... – бурчал Дуся хмуро, поднимаясь с матрасов.

– Очень смешно! – покривилась сестра-хозяйка. – Смеется он! И ему наплевать, что без уток наш роддом не выйдет в передовики района! Лежит он здесь, как... А ну поднимайся!!!

– Да чего орать-то?! – окончательно проснулся Евдоким. – Никуда ваши утки не подевались. Я их привез, а баба Люба, Ефремовна и тетка Зина их по этажам растащили!

– Погоди-ка, дай запишу... – быстренько достала из кармана блокнотик Анна Кирилловна. – Говоришь, баба Люба...

– Да куда они денутся? Не домой же их упрут!

– Вот ты, Дуся, в хозяйстве, как рыба замороженная –

только глаза можешь тарашить! «Не упрут»! А я в прошлом месяце бачок списала! Посадила в тот бачок розу китайскую, на втором этаже поставила! И что ж ты думаешь? Наша баба Люба ее домой вместе с бачком уперла! Ну ты скажи! Я все думаю – как?!! Ведь такая тощенькая старушка, в чем жизнь-то теплится, а поди ж ты! А ты говоришь – утки! Из них знаешь какие кактусятницы получатся!

– Что получится? – не сразу сообразил Дуся.

– Кактусятницы! Это, чтоб ты знал, такие горшочки, куда кактусы садят. Так вот из уток очень даже стильные получаются – беленькие. К любой кухне подойдут.

Дуся слабо представлял, как можно выставить на всеобщее обозрение медицинские горшки, к тому же на кухне, поэтому принялся отчаянно доказывать, что Анна Кирилловна не права.

– Вот вы на них тут наговариваете, а между прочим, они о роддоме пекутся! У бабы Любы здесь сейчас внучка лежит, поэтому она сразу целый ворох этих горшков ухватила и все потащила к себе на этаж, наверняка штуки три сразу поставит под кровать родственницы! А тетка Зина с Ефремовной по старой памяти все пытаются выбиться в передовики производства! Ну не учитывают тетушки, что у нас производство не на утках держится! Все думают, если они расстарятся, так им Беликов зарплату повысит. Так что, как ни крути, а каждая об общем деле заботится, а не о кактусятницах!

– Ох, ну и видок у тебя... – наплевала на пыльную речь ра-

ботника Анна Кирилловна, и предложила: – Ты иди, вынеси мусор, у меня там целые кули накопились, да потом и домой можешь идти... когда смена закончится.

– Так смена только началась, – слабо простонал Дуся. – А сейчас мне нельзя домой?

– Ну миленький мой! Мы с такими прогулами и вовсе никогда в передовики не вырвемся!

Дуся, осознав, что теперь от него Анна Кирилловна ни за что не отвяжется, побрел за мусором.

– Пашку возьми! – кричала вслед сердобольная сестра-хозяйка. – Один-то не утянешь!

Дуся решил справиться без Пашки – еще одного санитаря. Того пока найдешь, определенно скончаешься, а Дусе легче с мусором развязаться и потихоньку обратно в кладовке устроиться.

Он взвалил огромный тюк на плечи и, жалуясь себе самому на злодейку-судьбу, потащился к мусорным бакам.

– Мужик... слышь, мужик... – услышал он громкий шепот.

Дуся оглянулся – никого.

– Да тут я, под сиренью, – снова слышался голос. Дуся пригляделся. Под кустом на четвереньках сидел незнакомец в одних плавках и делал Дусе непонятные знаки.

– Слышь, мужик, спрячь меня, а? Ну так надо, прямо хоть сдохни!

Дуся вытаращился на голого мужчину и захлопал глазами.

– Ну чего моргаешь?.. Ну блин... ты чего – глухонемой,

что ли? Во, блин, попал! – И мужчина стал перед своим носом усиленно махать руками. – Спрячь... блин, как же показать...

– Да куда я вас спрячу-то? – наконец заговорил Дуся. – В карман, что ли? Тоже, интересный такой...

– Ой, да ты говоришь! А я тут, как мартышка – руками! – обрадовался незнакомец. – Спрячь! Понимаешь, мне только до вечера. Ну! Сейчас два часа дня, а вечером я смотаюсь... Ой, ну чего ты думаешь! Можешь меня в сарай какой упря- тать, только потом открыть не забудь! Меня тут, понимаешь, муж моей любовницы засек, ну и я... ну чего ты! У тебя, что ль, такой ситуации никогда не было?! Смотри! Во чего дам! Настоящий!

И раздетый мужчина блеснул здоровенным перстнем, в котором, как показалось Дусе, сверкал настоящий бриллиант.

– Золотой? – на всякий случай уточнил Евдоким.

– Ну ты совсем, что ли? – обиделся собеседник. – А какой же?! Мало того – золотой, у него еще и брюлик натуральный!

У Дуси зашло сердце. У него никогда в жизни не было золотых украшений. Вот деньги лежат где-то, пользуется ими матушка на всю катушку, а он, Дуся, даже затрапезного колечка себе позволить не может. Хотя... ему больше цепочку бы хотелось, но... Если этот перстень и в самом деле с бриллиантом, то его на цепочку поменять как нечего делать.

– Ну я прям и не знаю... – начал он набивать себе цену. –

Конечно, можно тебя куда-нибудь затолкать, в тот хозблок, он отдельно от роддома стоит, но...

И в это время Дуся увидел, как к мусорным бакам стремительной походкой направляется Пашка. Блин, когда надо, его фиг отыщешь, а когда не надо – вот он, пожалуйста! Торопится!

– Дуся! Привет! А меня к тебе Кирилловна погнала, чтоб, значит, ты не надорвался... – весело фыркнул Пашка.

– Поздно! Я уже надорвался, – сурово отрезал Дуся и стал спиной загораживать незнакомца.

Тот, видимо, понял его неправильно, потому что стал тыкать ему в карман брюк перстень. Конечно, Дусе пришлось взять – не станет же он сам выкидывать такие драгоценные вещи прямо возле мусорных бачков!

– О! А это кто там? – сразу же узрел мужчину в плавках Пашка. – Чего он там делает?

– Он... его надо к нам, в хозблок, – серьезно заявил Дуся. – Это... это журналист! Хочет рассмотреть жизнь роддома изнутри. Поэтому... Ну чего стоишь! Давай спрячем его в тюк и поволокем. Я ж один не управлюсь!

Пашка по инерции ухватился за угол куля и вместе с Дусей они покорячились к черному ходу.

– Ну... ну, блин, ваще... – пыхтел Пашка. – Чего он такой откормленный-то? Слышь, Дуся, а как он жизнь роддома изнутри рассмотрит, если мы его в хозблок затолкаем?

– Да ему какая разница, что смотреть... – пыхтел Дуся,

таща поклажу к отдельно стоящему небольшому кирпичному строению. – Пусть... пусть смотрит, что у нас в хозяйстве имеется. Это ж не военная база, не страшно...

Они дотащили мужчину до строения, Дуся открыл ключом двери – все знали, что ключи лежат под крыльцом, но все делали вид, что это никому не известно, и мужчина вылез из тюка.

– Ну, мужики, спасибо! Век не забуду. Меня часов в шесть откроете, и все нормально будет, ага?

– Ага... – буркнул Дуся.

– Ты хоть халат черный на себя нацепи, вон, чей-то старый висит, – посоветовал Пашка.

Мужчина послушно ухватил халат и натянул на себя. Халатец оказался коротковат, из-под подола торчали сиротливые волосатые ноги, а рукава едва доходили до локтей, но мужчина сразу почувствовал себя намного увереннее.

– Ты еще поройся аккуратненько, здесь на тряпки старые одеяла оставляют... – снова посоветовал Пашка, но Дуся уже тянул его из хозблока.

– Ну все, пойдем, а то кто-нибудь заметит... Ты, мужик, если кого услышишь – зарывайся в тряпье, и ни гу-гу. Хотя... у нас сюда почти никто не заходит... В последний раз только роженица... мать троих детей приходила, встречу с мужем здесь назначала, наши девчонки ей ключи давали, так это было еще по весне. Так что... до шести продержишься.

И Дуся, утянув Пашку за рукав, быстро направился к зда-

нию роддома, сжимая через карман приятный комочек прекрасного перстня.

– Скажи гад, да? – обиженно выпячивал нижнюю челюсть Пашка. – Мы его, значит, перли, прятали, а он нам... ну хоть бы по сотке сунул за старания! Скупердьяй!

– А как же обыкновенная доброта? – прищурился Дуся от справедливого гнева. – Ты уже без денег и шагу ступить не можешь! А если у человека горе? А если у него эти сотки... если ему даже положить некуда эти сотки, тогда как? Вот прихватила его беда, и пожалуйста – выскочил раздетым, на холод! У человека горе! Катастрофа, несчастье!

– А чего такое-то? – выпучился Пашка.

– Да от любовницы удирал, к той муж заявился.

– А-а... вот эти мужья... Ну нет чтоб жене позвонить, да? Дескать, встречай, любимая, еду, через полчаса буду, так они... я так вот своей каждый раз звоню... – похвастался Пашка и вдруг замер. – Слышь, Дуся... а на кой хрен я-то как дурак своей звоню каждый раз?! Вот, блин, баран! То-то я смотрю... прихожу, а она вся такая красная... раскрасневшаяся, и все чего-то под стол да под диван ногой заталкивает!

– Думаешь – любовника? – вмиг посерьезнел Дуся.

– Да нет... но его носки – запросто! Или там, может, галстук какой...

– Да ну! – успокоил друга Дуся. – Какой дурак к твоей Вальке в галстук приходить будет? Да ну, на фиг... Да к ней и вовсе никакого любовника не затащишь! Она ж у тебя

страшная как смертный грех!

– Че-е-егоо-о-о?! – вытаращился Пашка. – С чегой-то моя Валька страшная, а?! Да она... она... ну не красавица, конечно, так это потому что... это потому что она рябая вся! Ну и что! А у тебя-то самого, можно подумать, дома красавица, да?!

– А я не женат! – парировал Дуся.

– Вот! – победно ткнул пальцем прямо в брюхо Дусе Пашка. – За тебя даже никакая рябая не пошла! А я... Я – муж! И моя Валька... у нее знаешь сколько любовников! Ха! Да у нее полгорода! У нее... блин! Ну если хоть одного встречу – удавлю!

Так, мило переговариваясь, они дошли до корпуса. Дела разбросали их по разным этажам. Голова Дуси все так же продолжала раскалываться, но на нее уже не хватало времени, потому что почти одновременно привезли четырех рожениц, и отчего-то обязательно надо было тащить их на носилках, будто бы они сами не могли дотопать! Нет, трое-то потом с носилок спрыгнули и робко посеменили к Людмиле Ивановне в приемный покой, а вот одна... ну такая вредина попалась, прямо ни на минуту не отпускала от себя санитаров, и Олег с Дусей прямо-таки взмокли, таскаячи ее с этажа на этаж, а сзади еще бежала медсестричка Раечка и жужжала в самые уши:

– Не вздумайте уронить, у нее, говорят, муж такая шишка-а-а!

Дуся измотался с этими носилками, как верблюд, и уже поглядывал на часы – когда же кончится смена, когда к нему подбежал запыхавшийся Пашка.

– Дуся! Евдоким! Ну оглох, что ль?! Филлин! Иди сюда! Быстро иди!

Дуся быстро идти не хотел, у него как раз выдалась спокойная минутка, и Ирочка – медсестра с третьего этажа – угощала его чаем.

– Дуся!

– Ну чего тебе? – нехотя повернулся тот. – Вот, Ирочка, как тяжело быть добросовестным работником – всем тебя надо, все тебя куда-то тянут, как куклу резиновую...

Ирочка фыркнула, а у Пашки вытянулось лицо:

– Какая кукла! Иди сюда, говорю!

Дуся вальяжно отставил чашку с отбитой ручкой и подошел к другу.

– Дуська! Наш мужик того... помер, кажется! – с побелевшим лицом прошептал Пашка прямо в лицо Дусе.

– Ты чего мелешь-то? Какой мужик? У нас в роддоме одни тетки!.. – начал было Дуся, но вдруг вспомнил про незадачливого любовника, которого они должны были освободить в шесть вечера, но так закрутились, что и про время забыли. – Погоди... как помер? Задохнулся, что ли? Так там же... отчето он помер-то, гад такой?! Мы ж его как человека, а он...

– Пойдем, – тянул его за руку Пашка.

Они потихоньку направились в хозблок.

– Понимаешь, я на время смотрю – уже восьмой час, – торопливо рассказывал Пашка. – Ну, думаю, Дуська – обормот, наверняка про мужика забыл. А я, думаю, сейчас его выпущу да попрошу, чтоб вознаграждение дал, чем черт не шутит, вдруг и впрямь не откажет. Ну и... подкрадаюсь к хозблоку, подкрадаюсь... Открываю, а он... да сам смотри... только тихо, не ори, а то услышит кто-нибудь...

Он открыл двери, и Дуся увидел страшную картину – посредине маленького помещения лежал одетый в халат мужчина, и вся его голова была в крови. С первого взгляда было понятно – человеку уже ни один врач не поможет.

– Ну, е-е-е-мое... – растерянно протянул Дуся. – Ну, блин... в кои-то веки хотел доброе дело сделать, и такая невестуха! Ну чего стоишь – вызывай милицию.

– Ты чего – чокнулся совсем? – испугался Пашка. – Какая, к черту, милиция? Нас же моментом загребут! Не-е-е, никакой милиции! Давай все закроем и дуем отсюда! Пусть... пусть как будто мы ничего не знаем!

– Ну как не знаем-то?! – кипятился Дуся. – Они ж все равно выяснят! И вот тогда получится, что это точно мы его уколошили! Вот ты как будто не знаешь! Обязательно найдутся всякие там свидетели, которые видели, как мы этого мужика в куле тащили! А потом еще скажут, что мы тащили его уже мертвого! Ну, дескать, прямо возле мусорных баков прикончили, чтобы он к нам мусор не кидал, а потом... потом сами же и спрятали! Ну, на фиг! Надо вызвать и все

рассказать!

– Да иди ты, знаешь куда! – рассвирепел Пашка. – Ты у нас богач, откупишься, а мне точно придется навечно в камере поселиться! А моя Валька... она ведь, стерва рябая, сразу со мной разведется! И даже сухарика не принесет!

– Ну и чего?! Я тебе сухари приносить буду! Но зато все будет по справедливости!

– Вот уж спасибо! – даже присел Пашка. – Значит, тащили вместе, а сухариками ты угощать станешь! Фигу! Все! Закрываем и линяем отсюда. И чтоб никому ни слова, иначе... Ой, Дуся, если б ты знал, какой у меня кулак тяжелый!

Дуся крепился ровно до тех пор, пока они вместе с Пашкой не зашли в корпус и пока Пашку не утянула по делам очередная медичка. Честно говоря, на это ушло около часа. Зато потом законопослушный гражданин Филин Евдоким Петрович немедленно потрусил к телефону и стал набирать номер.

Милиция приехала. Правда, не настолько быстро, как хотелось Дусе, однако ж довольно расторопно.

Дуся их уже встречал у ворот.

– Пойдемте, я вас проведу. Покажу... – уверенно вел их санитар к хозблоку. Следом бежали сестра-хозяйка Анна Кирилловна и даже сам Беликов – главврач.

– Господа! – кричал он в спину суровым ребятам, быстро семени за ними. – Объясните мне все в подробностях! Чем обязан? Чем объяснить ваше вторжение?

– Мальчики! Мальчики! Там хозблок, и для вас там нет ничего интересного! – вторила ему пышная Анна Кирилловна. – Мальчики! А ключика у вас и нету! Дуся! Зараза такой! Ты кого опять к нам притащил, иуда?!!

– Сейчас нам все объяснит этот гражданин, – наконец сжалился над главврачом один из оперативников и повернулся к Дусе: – Открывайте.

Дуся трясущимися руками отпер двери и широким жестом пригласил:

– Вот! Проходите, разбирайтесь!

– Дусенька, ну зачем мальчикам разбираться в нашем старом хламье? – слабо пискнула Анна Кирилловна.

– Действительно... – фыркнув, согласился один из ребят. – А чего вызывали-то?

Дуся теперь и сам не знал – чего? Он стоял, растопырив руки, и пялился на пустое место, где еще совсем недавно лежал неизвестный мужчина с проломленной головой.

– Тык... вот же он... тут и был... – невнятно бормотал Дуся, шаря глазами по сторонам.

– Кто он-то, Дуся? – уже сурово насупился главврач и стал нервно притоптывать ножкой, то бишь нервничать. – Я еще раз спрашиваю тебя со всей ответственностью: кто он?

– Ой, да не топайте вы! – поморщился Дуся. – Спрашивает он... можно подумать, я чего-то понимаю... Ага! Точно! Понял! – вдруг просиял он. – Это Пашка! Он куда-то труп утащил! Точно вам говорю – ну не хотел он, чтоб, значит,

к этому делу привлекались органы, ну и... потихоньку упер мужика... Анна Кирилловна! Ну что вы стоите тут, как де-вушка с веслом?! Быстро стоняйте в корпус и притащите сюда Пашку!

Тучная сестра-хозяйка, казалось, только и ждала команды. Подхватив руками подол и вереща на ходу во всю глотку, она понеслась к зданию роддома:

– Пашка-а-а-а!!! Пашка, гад такой, никогда тебя не дозовешься!!! Куда труп упер, люди спрашивают?!

После таких криков наверняка родили даже те, кто и не собирался.

– Анна Кирилловна! Ну что ж вы так орете в вашем-то возрасте и звании?! – выскочил ей навстречу знатный акушер Пряхин Андрей Ильич. – Ну вы ж мне всех рожениц распугаете! Это еще хорошо, что вас Беликов не слышит.

– Он слышит, – задыхаясь, обрадовала женщина. – Он сейчас еще не так орать будет. Где Пашка?

Пашку общими усилиями отыскивали в роддомовской столовой. Он один сидел за столом и скучно уплетал вареную рыбу.

– Вот он где! Рыбак, мать его... – обозлился уже и Андрей Пряхин. – Его там с собаками ищут, а он... хорош рожениц объедать! Им фосфора недостает!

– И не достанет, откуда здесь фосфор? – брезгливо покривился Пашка. – Отсюда наши поварахи уже все, что можно, сперли. Еле хвостик у них выпросил... Погоди, а кто это ме-

ня с собаками? Чего, правда, что ли? Ищут?

– Ну да, зовут. Надобность у них какая-то срочная. Милиция, Дуся, Беликов наш...

После такого сообщения у Пашки хвостик встал поперек горла. Он, откашливаясь, стал быстро пробираться к выходу, намереваясь попросту сбежать, однако крепкая рука сестры-хозяйки ухватила его возле самой двери.

– Вот он, красавчик! Отужинал? А теперь давай – в суд! Там за тобой уже приехали!

– А чего это за мной? – упирался парень. – Чего я такого сделал-то?

– Откуда я знаю?! Пойдем, там сейчас нам все расскажут! – И она потащила санитару к хоз-блоку.

Возле отдельного маленького кирпичного здания стояли мужчины, курили и тихо переговаривались.

– Вот он, притащила, – поклонилась самому строгому из них Анна Кирилловна. – Чего с ним делать?

– Еще пока не знаем... – Мужчина отбросил окурок и пристально взглянул на Пашку. – Так это вы Павел Игнатьевич Петров?

– Я! – гордо выпятил грудь Пашка. – А что такое стряслось?

– Да вот... – Строгий мужчина покачался с пятки на носок. – Некий господин Евдоким Петрович Филин утверждает, что вы куда-то утащили труп неизвестного мужчины.

– Да что вы? – вздернул брови вверх притворщик Паш-

ка. – Прямо-таки целый труп? А зачем? Вам господин Евдоким Петрович не сообщил? Очень занимательная история! Надо же – прямо детский сад «Вишенка»! Нет, Дусю-то у нас тут все знают – он повернут на всяких страшилках. Но я не думал, что вы, солидные люди, вот так возьмете и сразу же ему сдуру поверите!

– Но-но-но! – резко одернул зарвавшегося санитаря серьезный представитель власти. – Мы тут с вами не шуточки шутить приехали! Быстро отвечайте – куда труп дели?

– Да какой труп? С чего вы взяли, что я его куда-то дел? И вообще – кто его видел-то, труп этот?! – все больше накалялся Пашка и, казалось, уже сам себе верил. – Вы вон у наших начальников спросите – у нас трупы бывают?

«Начальники», то есть седенький главврач Беликов, вздрогнул, закатил к небесам выцветшие глазки и отрапортовал:

– За последние несколько лет в нашем роддоме смертность достигла самой низкой отметки по всеобщей шкале. Среди района наш роддом...

– Ну вот! – нагло прервал отчет главврача Пашка. – И вообще – кого вы слушаете-то? Дуська вчера всю ночь у матери на юбилее квасил, а сегодня весь день отсыпается в кладовке! Анна Кирилловна, скажи! Мало ли что ему с бодуна примерещится!

– Да! – опять склонила голову Анна Кирилловна. – Отсыпался весь день. Я его уже гоняла, гоняла... А он все равно

спал. Прямо как конь – стоя спит!

– М-да-а-а... – протянул мужчина и оглянулся на своих коллег. – Похоже, нас тут развели... Ну что, господин хороший, будем оформлять ложный вызов?

– Да какой же ложный! – Дусю аж подбросило. – Я ж вам русским языком говорю!..

– Ой, ребятки! – взмолилась Анна Кирилловна. – Ну не надо ему ложный, а? Это ж штраф какой, а он и так нам только что тридцать уток на свои деньги купил.

– Каких уток?! – вытаращился оперативник. – Утки какие-то!

– Ну это горшочки такие, в больницах под кровать ставят... – быстренько залопотала Анна Кирилловна. – Так вот – он их сам купил! Зачем же ему еще и штраф?

– Да, совершенно авторитетно подтверждаю – купил, – мотнул лысенькой головой Беликов. – И не надо ему штраф, а лучше прикажите ему, чтобы он нам кресла гинекологические достал. Очень острая необходимость!

– Ну уж... – оторопел мужчина из оперативного отдела. – Нам еще только кресел гинекологических не хватает! Вы уж тут сами давайте, и вообще... вы главврач, так я понял? Разберитесь со своими работниками! И что у вас за дисциплина? Кого хотят, того и вызывают! Скоро уже девушек по вызову прямо на работу будут приглашать.

– Ой, ну что вы! – мило всплеснула ручками Анна Кирилловна. – У нас этих девушек!.. Целые этажи забиты, куда их

еще вызывать!

Серьезные парни спешно уселись в свои «Жигули», ярко размалеванные белой и синей краской, назло всем врубили сирену и под ее вой, явно недовольные, уехали.

– Ну, Дус-ся! – зашипела на Филина Анна Кирилловна. – Сейчас бы как дала по толстой-то роже!

– А я бы так стоял и ждал, – перекинулся Дуся.

– Так что, Евдоким Петрович, – тут же встрял Беликов. – Не забудьте – вас суд обязал купить нашему роддому новые гинекологические кресла. Вы уж расстарайтесь.

– Ага, расстарался уже... бегу прям весь и падаю... – обиженно бубнил Дуся себе под нос, мысленно прощаясь с еще одной, а то и не одной, маменькиной подачкой.

Анна Кирилловна ухватила Беликова под руку и повела главврача в его кабинет – успокаиваться, а Дуся вместе с Пашкой остались возле открытых дверей хозблока.

– Ну, Пашка... – злобно зыркнул на друга Дуся. – Ну ты вообще! Так меня подставить!!! Гад ты после этого и!.. И вообще никакой не сознательный гражданин!

– Я-а?! – искренне изумился Пашка. – Отчего это я несознательный? Ты меня тут перед всеми чуть ли не преступником выставил, я, значит, чуть не поседел, мне, можно сказать, чуть пожизненный срок не вкатили, и я же несознательный! Я в чем сознаться-то должен был, друг мой? Ты бы меня хоть заранее предупредил!

– «Ня-ня-ня», – передразнил Дуся санитаря. – «Предупре-

дил»! А то ты не знаешь! Куда мужика уволок?!

Пашка смотрел на Дусю с искренним недоумением:

– Дусь... ты чего? Какой тебе мужик все время мерещится? Куда я его должен утащить?

– Ой-ой-ой, – поморщился Дуся. – Хорош кривляться! Ну чего ты, как обезьяна?! Будто бы сам не знаешь – мы с тобой спрятали мужика, ну он еще голый такой был, от любовницы удирал, просил его спрятать, мы и спрятали его в хозблоке!

– Ну? И дальше чего? – с интересом проговорил Пашка. – То есть мы его спрятали, а он чего? Сбежал, паразит? И даже копейки нам не заплатил, да?

– Да ты совсем, что ли?! – У Дуси кончалось терпение. – Как он заплатит, когда мы его открыть забыли!!

– Да ну! – присвистнул Пашка. – И чего? Он здесь, что ли, был? А куда девался-то?

Дуся гневно прищурился и запыхтел носом.

– Сейчас точно врежу... Куда он денется, если его кто-то убил?!!

Пашка медленно-медленно покачал головой, а потом отвел глаза на здание роддома.

– Вот ведь говорили же Беликову – нужен нам психолог, ну вот как вода нужен! У нас такая нервная работа! А этот хрыч!.. Дуся, друг мой, а иди-ка ты домой. Отдохнуть тебе надо. У тебя вчера был трудный вечер, ты ж у нас не привыкший пить, а вчера надрался, даже сегодня разит. Иди, голубь мой.

Дуся глянул на него внимательно – издевается, что ли? Но Пашка смотрел с самым искренним сочувствием.

– Ну ладно, ехидна, я пойду... – проговорил Дуся, направляясь к корпусу. – Я, конечно, пойду, но... Так и знай! И вообще!

Он бы уже давно поверил и Пашке, и этим строгим мужам из оперативного отдела, что не было никакого раздетого мужика, что все ему примерещилось с похмелья-то, поверил бы... если бы в его кармане не лежал золотой перстень с самым настоящим бриллиантом.

Домой Дуся пришел разбитый, будто бы две смены без перерыва таскал на себе носилки с Анной Кирилловной.

Навстречу ему выбежала Машка – его двухлетняя приемная дочь, которая попала к нему тоже путем весьма необычным – ее мамочку в роддоме кто-то попросту прикончил, а Дусю определили в отцы крошке. Но это дело он давно распутал, а вот теперь опять, надо же напасть какая – очередное приключение!

– Мама! – отчетливо произнесла девочка, бросаясь к Дусе на шею. – Дуся кака! Бабу аф! Баба па-ачет, Маса бабу га-адит, баба хи-хи-хи!

Девочка в двух словах передала все домашние новости. В переводе на взрослый это означало, что Дуся (тойтерьериха, названная исключительно в честь хозяина дома), так вот эта псина якобы тявкнула на матушку Евдокима – Олимпиаду

Петровну, отчего та залилась горячими слезами. Жалостливая Машенька немедленно бабушку погладила, и та весело возрадовалась – «хи-хи-хи». Эту воспитательную игру придумала Олимпиада Петровна специально, дабы воспитывать у внучки чувство сострадания к бабушке, и теперь такое происходило ежедневно.

– Мам! – протрубил Евдоким. – Ну чего ты ребенка мучаешь? Да и собака уже устала на тебя тявкать! Лучше бы научила Машку меня папой называть, а то все, как в том мультике, – «мама» да «мама»!

– Ой, Дусенька! Я и не заметила, как ты пришел! – Из ванной выпорхнула Олимпиада Петровна с огурцами на щеках. – Опять ругаешься? Чего говоришь – папой называть? А кого она мамой называть будет? Вот женишься, тогда все само собой на свои места встанет. Ишь ты какой привереда!

– Мам, у нас поесть чего-нибудь есть?

– Есть! А как же! Кашку манную мы только что с Машенькой варили. Поешь, она еще не совсем окаменела. Потом еще... морковочки я почистила, погрызть можно...

– Да что ж я – кролик какой, чтобы морковку грызть... – недовольно нудил сынок. – Я же вот только что приносил зарплату, неужели нельзя какого-нибудь мяса купить, котлет нажарить или... или голубцов сделать?

– Какие это ты деньги вспомнил? – возмущенно затрясла щеками Олимпиада Петровна. – А на что я, по-твоему, юбилей отмечала! Вчера гостей было тридцать штук! И в ресто-

ране! На что бы я их кормила? А я тебе еще вчера говорила – наедайся на неделю! А ты только напился на всю жизнь вперед! Еще и трех дней не прошло, а ему опять мяса подавай! Вон, учился бы у верблюдов: один раз поели – и на целый месяц!

Дуся даже не стал спорить с матерью: уж он-то хорошо знал – дело это безнадежное.

Умывшись дочиста и без аппетита поклевав манной кашки, которая все же успела затвердеть так, что ее нужно было резать ножом, Дуся демонстративно взгромоздился на весы.

– Уйди с весов, ты мне экран загораживаешь, – попросила матушка.

Весы и в самом деле стояли в самом центре комнаты, исключительно для того, чтобы Олимпиада Петровна ни на миг не забывала о весе.

– ...убедительная просьба – каждому, кому хоть что-то известно про исчезновение Глохова Иннокентия Викентьевича...

– Дуся! Да отойди же ты! – уже нервничала Олимпиада Петровна. – Там опять кто-то потерялся!

– Да тебе-то что? Глохов какой-то! Можно подумать, ты его сейчас искать побежишь! – упрямо паялился на стрелку весов Дуся.

Стрелка неумолимо торчала на юбилейной отметке в сто килограммов и двигаться обратно не собиралась. Дуся втянул в себя живот, глубоко в рот втянул щеки и выдохнул.

Стрелка не шелохнулась.

– Ну вот... – уныло пробормотал Евдоким. – Уже девяносто восемь! И все от недостатка питания! Манную кашу я уже в детстве проходил, а теперь бы мне...

– Бат-тюшки! – ухватилась за щеки Олимпиада Петровна. – Да он еще и сумасшедший!

Выделявая странные пируэты, она все же умудрялась из-за телесов Дуси разглядеть экран.

– Я говорю – ты посмотри! Он из психушки сбежал! – запричитала она. – Это что ж получается?! Мы вот так вот с Машенькой пойдем гулять, а тут он и найдется! Псих этот! Он на нас и выскочит! А я с ребенком!.. Дуся!!! Немедленно посмотри на этого бегуна и завтра же отыщи его!

Дуся тяжело вздохнул, глянул на экран и остолбенел. Беглецом из психдиспансера был его сегодняшний знакомый! Именно тот раздетый мужчина, чей перстень весь день оттопыривал карман Евдокима, тот, кого Дуся видел собственными глазами с разбитой головой.

– С ума сойти!.. – пробормотал он.

– Ему уже не надо, он уже сошел, заранее побеспокоился, а вот тебе!.. Тебе, милый мой сынок, пока некогда с ума сходять... – надула накрашенные губы Олимпиада Петровна. – Ты и так-то не больно с головой дружишь. Тебе необходимо найти этого... этого спринтера и... и обезвредить!.. Только вот как? Если его обратно в психушку, он снова сбежит, а если в тюрьму, так он там долго не задержится...

– Он... он, мам, практически обезврежен... уже...

– Это как? – не поняла маменька. – С чего это он обезврежен, когда тебе прямо на всю страну говорят, что его поймать надо и... и что-то с ним сделать! Где это он обезврежен и почему органы ничего об этом не знают? Нет уж, милый сынок, тебе надо обязательно его найти... а потом... а потом можешь с чистой совестью передать его мне. Уж я его как следует... поговорю с ним. Он мне перестанет пугать бедных пенсионеров! Он мне... Дуся! Ну что ж ты стоишь? Беги немедленно писать план поимки! Прямо не знаю, ну такой увалень!

Дуся вышел из комнаты и побрел к себе. Та-а-ак... парня через телевизор уже ищет милиция. А что, если станут еще лучше искать и набредут на их роддом? И вспомнят, что был такой умник, который им сам рассказывал про какого-то убитого мужика в хозблоке, а потом... ой, да кто их знает, что они найдут потом! Нет, конечно же, сам Дуся никого не убивал, а кто докажет? Да никто! Пашка, что ли? Ха! Этот первый же и завалит! Вон он как лихо дело перевернул, Дусю чуть самого в психушку сегодня не отправили. А потом он же и о тюрьме похлопочет. Нет, надеяться ни на кого нельзя, все надо самому... да... именно так – самому! Найти убийцу, передать властям, а они уж что хотят, то пусть и делают. Главное, чтобы потом к Дусе никаких претензий не предъявляли. И чего бояться? Он уже несколько дел сам раскрыл! Вон и Машка подтвердит! Нет, Машка, конечно же, ничего подтверждать не будет, мала она еще, да и ничего не знает,

не надо ей знать, но... Но факт остается фактом – он в деле расследования не новичок. И вообще! Может быть, ему кто-нибудь еще и спасибо скажет? Например, родственники этого бедолаги... Точно, вот завтра он к ним и отправится. А как он их найдет? А найдет он их... да позвонит на телевидение, спросит все данные, и все дела!

После принятого решения на душе как-то полегчало. Нет, ну в самом деле – он уж чуть было себя за больного не принял! Чего греха таить – сегодня даже специально себя этим перстнем колол, чтобы убедиться, что не спит и что ему не мерещится.

– Маманя! – Он вышел из своей комнаты совсем с другим настроением. – А давай-ка мы с тобой картошечки пожарим!

– А давай-ка ты сам пожаришь! – не шелохнулась почтенная дама. – Машутка! Ты хочешь картошечки? А? Ну скажи: «Мама! Давай позарим Масеньке кальтосецки. Масенька хочет кальтоски!»

– Маса хочет чипсов! И дозиевки! А маме пива!

– Ма-а-а-ма!! – взревел Дуся. – Ну сколько раз говорить! Научи Машку звать меня папой! И потом – мы же говорили, что ты не будешь покупать ей чипсы! Да еще и газировку!

– Вот поэтому она тебя и зовет «мамой», что ты к ней без понимания относишься и она к тебе! – поджала губы Олимпиада Петровна. – И вообще... чипсы я себе покупала...

Но Дуся ее уже не слушал. Он присел перед дочерью на корточки и по слогам учил:

– Мария! Ты уже взрослая девица! Давай говори правильно: я – папа! Запомнила? Ну давай – па-а-а-а-па-а-а-а...

– Нек... – упрямо качала кудрявой головенкой «взрослая девица». – Ты – ма-а-а-а-ма-а-а-а! А там сидит... дед!

– Ма!.. Маша! Какой дед?! – подпрыгнула Олимпиада Петровна. – Это ж я – твоя бабушка! Хотя... можешь называть меня мамой.

– Нек... – сурово сушила бровки девочка. – Ты – дед! Итальянцы хьяпис ночью.

– Та-а-ак... – уперла руки в бока матрона. – Кто сказал ребенку, что я ночью храплю? Она сама не могла до этого додуматься! Она всегда спит в это время!

– Ма, – уныло отбредивался Дуся. – Ты и правда думаешь, что, когда ты храпишь, кто-то может уснуть? Наивная!

Весь оставшийся вечер мать и сын Филины учили маленькую Машеньку, кого и как следует называть. В конце концов девочка окончательно запуталась и уже в кровати, перед сном пробормотала Дусе:

– Давай я тебя буду баусей звать... чтоб дед не ругался...

– Зови меня просто Дусей... – сдался Евдоким. – Как нашу собаку.

– Гуся... – улыбнулась Машенька и чмокнула Евдокима в колючую щеку. – У тебя четка выясла...

– М-да... – качнул головой Дуся, почесывая густую щетину. – Недоработка...

И пошел бриться – его маленькая дама чуть не укололась.

Утром он начал свою смену на работе весьма решительно – смело распахнул двери в кабинет к главврачу и сразу с порога заявил:

– Матвей Макарович, вы только не юлите, а отвечайте в лоб! У нас есть профсоюз?

– Что тебе опять понадобилось, свет мой Евдоким? – насторожился главный.

От этого работника он каждый раз мог ожидать чего угодно – от роскошных подарков в виде новых белых халатов до очередного найденного трупа, причем на территории их род-дома!

– Мне нужен отпуск и путевка «Мать и дитя». – Дуся хлопнул по столу и старательно загрузил, чтобы главный немедленно догадался, как тяжело отцу одному, да еще и без путевки, воспитывать дочь.

– Ну какой тебе отпуск? Ты ж ведь сам по этой путевке не поедешь. Стопроцентно – отправишь отдыхать с Машей Олимпиаду Петровну. А мне вот тут стоишь и бессовестно лжешь! Да еще и отпуск клянчишь...

– Позво-о-ольте! – вытаращил честные глаза Дуся. – То есть как же это лжу? Все честно! Путевка «Мать и дитя», по ней и поедут мои мать и дитя! Чего непонятного? А отпуск нужен мне! Потому как мне даже и путевки не положено, нет такой путевки «Отец Евдоким и дочка Маша». Вот как только организуют – я первый!

– Дуся... – медленно поднялся из-за стола главврач Беликов. – Ну ты ж понимаешь, что сейчас у нас просто катастрофически не хватает работников. У нас же сейчас все женщины рожают, ну просто как из пулемета, потому как деньги за это дают. Ну погоди маленько, женщины одумаются, и уж потом... Ну ведь прямо роды принимать некому, ты ж понимаешь!

Дуся облизнул мгновенно высохшие губы:

– Так вы меня чего – вы меня в акушеры переводите? Ну чтоб я роды принимал, что ли? – осипшим голосом спросил он.

– Господи! Дуся! Ну как такая ересь могла в твою башку залететь?! Меня Пряхин за одну такую мысль разорвет! Скажет, что я порочу светлое имя акушера!

– Тогда я вообще ни фига не понял... а чего меня не отпускаете? Пусть женщины рожают, я-то тут и вовсе не при делах! Это их мужья... – Дуся замялся, потом потряс головой и начал заново: – Вы, Матвей Макарович, мне мозги не пудрите! Я ж вас просил, отвечайте прямо – что там у нас с профсоюзами? Путевку дадите? Я ее выкуплю. И еще сверху добавлю чего-нибудь... ну, например коробку конфет... Коркунова. Мама говорит, что жутко дорогие.

– А вот и не надо дорогие... – вдруг блеснул очочками Беликов. – Чего ж зря деньгами раскидываться!

– То есть путевку вы так даете? Бесплатно? – радостно оскалился Дуся.

– Ну конечно! Только мы от тебя ждем ма-а-аленькую благодарность. А, Дуся?

– Да ну вас, Матвей Макарович, – отмахнулся Дуся. – Сами всегда говорите, что маленькую, а сами потом как попросите, так у меня никаких денег не хватает. Давайте я вам лучше просто так, бесплатно, благодарен буду. Или могу песенку спеть, стих там какой-нибудь рассказать... я смогу.

Беликов покривился.

– Ну и куда я этот твой стих? Ты б лучше в детстве песенки пел, может, из тебя что и получилось бы, а сейчас я все больше по театрам да по эстрадам... А вот ты, мой добрый друг, купи нам небольшие гинекологические креслица, а? Сам же знаешь, ну так нужны! А я уж тебе и путевку и отпуск, а?

Дуся на миг задумался.

– А диван не подойдет?

– Гинекологический? – отвесил челюсть главврач.

– Да кто его знает... у нас маменька новую мебель в гостиную купила, а старый диван девать некуда. А он еще такой хороший, новый совсем! Мы его в прошлом году брали. У нас его соседка взять хотела, но если вам надо...

– Н-ну... можешь и диван, мы его в холл поставим, если новый, но только кресла тоже купи! – сурово сверкнул из-под очков глазами Беликов. – И вот тогда... а то, понимаешь, ты ему то дай, се дай, а он... на благо родного роддома расстараться не хочет! Все, иди. Я сейчас переговорю с Ниной

Сергеевной, она тебе найдет путевку... Когда надо-то?

– Завтра! – тут же выпалил Дуся. – И отпуск чтоб тоже!

Беликов еще серьезнее глянул на подчиненного и тоном, не терпящим возражения, добавил:

– Ладно... будет завтра. Но только тогда три кресла! Три!

Дуся опустил плечи. Три кресла! И где он возьмет деньги? Но потом воспрял – да хоть сорок! Сейчас он пообещает что угодно, главное, чтобы маменька завтра с Машкой уехали отдыхать, а он ушел в отпуск, а уж потом – сколько он купит, дело десятое. К тому же Беликов и одному креслу рад будет – кто ему, кроме Дуси, еще купит?

– Три говорите? – деловито насупилсся он. – Но тогда только... чтобы путевки были у меня к обеду!

– Идет! – мотнул головой старенький главврач, и Дуся вышел из кабинета – день начинался неплохо.

Дальше все прошло тоже великолепно, будто кто-то специально расстилал перед Дусей ковровую дорожку.

Путевку принесли минут за двадцать до того, как Евдоким отправился на кухню. Он немножко попрыгал от избытка чувств, чмокнул в морщинистую щеку санитарку бабу Любу и побежал обедать – требовалось срочно обдумать план дальнейших действий. Сначала надо было позвонить маменьке, сообщить ей радостную весть, пусть бегаёт по магазинам, закупает себе и Марье нужные вещи. Потом... а вот потом надо позвонить на телевидение – он вчера и телефончик записал – и выяснить, кого они там потеряли. И уже с завтрашнего

утра бежать в гости к родне неизвестного мужичка.

После обеда Дуся метнулся к телефону, но тут его ожидала неудача – на телефоне прочно зависла медсестра Раечка. Это был крах!

Дело в том, что при всей телефонизации страны, в роддоме было только три телефона, по которым можно было говорить свободно. Остальные находились по кабинетам, и за каждый личный звонок персонала Беликов тут же этот самый персонал нещадно штрафовал. Но и из тех трех, которые были доступны, два постоянно не работали, их еще с Нового года никак не могли отремонтировать, а один... один сейчас заняла Раечка. И ладно бы кто другой, но эта медсестричка всегда зависала у аппарата минут на сорок, не меньше, Дуся засекал. И получалось, что позвонить ему в ближайший час не удастся. Однако время поджимало. Оставался только один старый, добрый, проверенный способ.

Дуся ворвался к врачам и сразу же спросил:

– Пряхин Андрюха где?

– В родовой, – отмахнулась Юля, молоденькая помощница Пряхина. Она была занята важным делом – подкрашивала себе губки. – Там кого-то привезли... кажется, женщину. Сейчас и я пойду, а то потом кричать будет... Дуся, у меня губы ровно накрашены?

– Нормально, – не глядя на губы, буркнул Дуся. – А где его пиджак?

– Вон, на стуле висит, телефон в правом кармане, на про-

шлой неделе новый купил. Хотя мне его бывший больше нравился, у него кнопки светились... – кокетливо сообщила прелестница и, призывно виляя бедрами, отправилась принимать новую жизнь.

Пряхин уже несколько лет сходил с ума по сотовым телефонам. Именно на них он тратил основную часть заработной платы, и чуть ли не каждый месяц у него появлялась новая трубка. Очередным своим телефоном Пряхин наивно хвастался коллегам, а потом убегал в родовую палату, бережно оставив сокровище в кармане пиджака. И как-то так издавна повелось, что все работники считали прямо-таки необходимым по этому новомодному телефончику перезваниваться со своими друзьями и близкими – дабы дорогая игрушка не лежала без дела. Пряхин платил огромные счета, ссорился с компаниями, но все так же упрямо оставлял телефоны на попечение коллег, а те, в свою очередь, не обделяли трубку своим вниманием.

Дуся остался один и стал торопливо набирать домашний номер.

– Аллеу! – важно пропела в трубку Олимпиада Петровна. – Я вас слушаю.

– Мам, короче – сегодня... да нет же, прямо сейчас ты вместе с Машуткой едешь по магазинам, покупаешь, что там тебе надо, а завтра вы едете отдыхать по путевке «Мать и дитя».

– Отдыхать?! По путевке?! Боже, какой сюрприз! – ра-

достно захлопала в ладоши Олимпиада Петровна, но потом вдруг насторожилась. – Надеюсь, путевка бесплатна и нам не придется потом покупать твоему Беликову три ящика с клизмами?

– Нет, маменька, он только хочет забрать у нас старый диван.

– Диван? – удивилась дама и вздохнула. – Боже мой, как обнищали роддома! И они еще удивляются, что женщины отказываются рожать!.. Дуся! Передай главному, что мы отдадим не только диван, мы еще и пожертвуем им твою кровать! Пусть мамочки лежат со всеми удобствами!

– Маменька, если со всеми, тогда я скажу, что ты пожертвуешь свою, потому что у моей еще в прошлом году прорвалась сетка, – рявкнул Дуся и отключился.

Теперь ему надо было позвонить на телевидение. Он достал свернутую бумажку, расправил ее и стал набирать номер. Трубку долго не снимали, но потом ласковый голосок пропел в самое ухо:

– Телеканал «Умереть не встать», мы вас слушаем.

– Девушка... – солидно заговорил Дуся. – Вчера в прямом эфире была обнародована просьба – вы просили найти человека. Так вот мы решили его найти, но нам нужны его координаты.

– Погодите, я вас соединю... – словно робот отреагировала милая девушка, и трубку взяла девица уже не столь радужного настроения.

– Слушаю вас. У вас есть сообщение?

– Да! У меня есть радостное сообщение. Для вас! Мы его найдем, этого мужчину! – разулыбался Дуся, полагая, что и девица сейчас возрадуется.

Не тут-то было.

– Не понимаю... а кто это? Представьтесь, пожалуйста, – очень строгим голосом попросила девчонка.

– Так, хорошо, представляюсь... – передохнул Дуся и выдал заранее придуманную легенду. – Наш клуб... «Филин – ясный сокол», да, вот именно так мы называемся... Так вот, мы занимаемся тем, что разыскиваем потерявшихся людей. У нас знаете столько граждан каждый день теряют, прямо как ключи. А мы терпеливо их разыскиваем. И уже почти всех нашли, а тут... представляете – смотрим вчера телевизор, а вы снова кого-то потеряли! Ну конечно, мы этого человека найдем, у нас уже громадный опыт, но нам нужны координаты этого потерянного.

– Ха! – печально усмехнулась девчонка. – Так если б нам кто его координаты сказал, мы бы помощи не просили!

– Нет! – оборвал ее Дуся. – Вы все не так поняли! Нам нужны его данные – где родился, когда женился, где живут его родственники, короче – все!

Девушка на том конце провода помялась, а потом нехотя произнесла:

– Ну, вы знаете... у меня всех данных нет, но я могу дать вам телефон, вы свяжетесь с его родственниками и, если они

сочтут нужным...

– Давайте!

Девушка что-то пробормотала, потом посопела в трубку, а затем выдала номер.

Дуся ликовал. Теперь он уже набирал номер матери Глухова Иннокентия Викентьевича – того самого разнесчастного мужика, которому так и не удалось спрятаться.

– Алло, – грустно заговорил он, едва на том конце провода сняли трубку. – Вас беспокоит клуб «Филин – ясный сокол». Мы специализируемся на том, что находим пропавших. Мы готовы помочь в вашей горе, но... но нам нужно узнать о нем немного подробнее – с кем работал, дружил, женат, разведен, имя любовницы...

– Я сейчас не могу говорить... – быстро и строго ответил женский голос. – Давайте завтра встретимся в кафе «Алтай». В пять вечера. Я буду в зеленом костюме.

– Хорошо, – быстро согласился Дуся. – А я... на мне будет такая фланелевая рубашка... нет, я, наверное, завтра надену шерстяной пуловер, а брюки...

– Достаточно, если у вас в руках будет журнал «Авто-мото», и к тому же, я надеюсь, вы не забудете удостоверение, – оборвала его собеседница и отключилась.

– Обалдеть!.. – качнул головой Дуся. – Удостоверение... и где мне его взять? Да еще и журнал теперь придется покупать...

Домой Дуся сорвался рано – кто за ним будет следить, ко-

гда он с завтрашнего дня в отпуске. Он даже и за зарплатой заходить не стал – пока там еще Нина Сергеевна документы напечатает...

Он шел домой и думал – и где ж ему взять это самое удостоверение? И что – без него незнакомая женщина с ним разговаривать не станет?

Дома его никто не ждал. Это было обидно, потому что ключа ему тоже никто оставить не догадался. Пришлось сесть на лавочку и смиренно ждать.

– Дуся, у тебя десяти рублей не найдется? – Рядом с ним присел соседский парнишка со второго этажа – Юрка.

– Есть, а что это меняет... – думая о своем, грустно проговорил Евдоким.

– Ха! Так для меня все меняет! – задохнулся от счастья Юрка. – Мне как раз десяти рублей не хватает, чтоб в компьютерный салон сбегать! У нас там знаешь какие битвы!

– А толку? Бьетесь, бьетесь... и чего вы все к этим компьютерам? Вашим родителям делать нечего – тратят деньги на такие игрушки... Я вот тут передачу смотрел... Очень это, оказывается, вредная штука, от нее худеют даже... – по-стариковски ворчал Дуся.

– Вот вам бы эта вредная штука не помешала, – фыркнул мальчишка, а потом вмиг посерьезнел и принялся защищать свое увлечение. – И ничего это не игрушки! На нем, между прочим, на компьютере, что хочешь делать можно! Хочешь в Интернет зайти, хочешь – реферат скачай, а хочешь – мо-

жешь запросто себе деньгу какую-нибудь нарисовать, вполне может прокатить, но не всегда. Вон у нас один такой умелец нарисовал себе на компе целый пакет соток, а потом его загребли. А потому что не фиг деньги печатать!

Дуся вдруг задышал медленно-медленно и так же медленно повернулся к соседу.

– Слышь, Юрка... а если не деньги? А если документ? Удостоверение, а?

– Как нечего делать! Пятьсот рублей, и у тебя завтра будет любое удостоверение, вплоть до ФСБ!

– Не! – замахал руками Дуся. – Куда мне ФСБ? Мне бы такое... понимаешь, клуб у нас, а удостоверений нет. Вот бы сделать, а? Я заплачу эти пятьсот рублей. Но только если завтра до обеда, а?

– А сейчас десятку дашь? – хищно прищурился паренек.

– Легко!

– Ну, значит, сделаем, – пожал плечами Юрка и добавил. – Только еще твоя фотография нужна.

– Да есть у меня! Как раз на работе надо было, я и сфотографировался. Только это пять лет назад было, пойдет?

– Да мне какая разница, хоть десять, – важно ответил паренек.

– Ну вот и славно! – потер руки Дуся. – Тогда ты со мной сядь и сиди, сейчас мои придут, я домой попаду и тебе фотографию вынесу. И деньги.

– Не, я лучше вечером забегу, – не согласился тот. – А чо,

десять рублей тоже дома?

– На тебе десять... – Дуся великодушно полез в карман и вытащил целую горсть рублей. – Сдачи не надо!

Мальчишка унесся, а Дуся сидел на лавочке и насвистывал – такого отличного дня у него давненько не случалось. Нет, он обязательно найдет, кто прикончил несчастного Глохова!

Маменька заявилась глубоко под вечер, и то только потому, что Маша буквально спала, и ее пришлось тащить на руках. Одной рукой дама крепко прижимала к себе внучку, а на другой болталась только крохотная сумочка.

– Маменька! – не мог поверить своим глазам Дуся. – Ты ничего не купила?

– Практически ничего, – вздохнула маменька, передавая внучку сыну. – Сейчас вот только подъедет грузовое такси. Ты не поверишь – сейчас в магазинах такой сервис! Даже не приходится пакеты таскать... Ну что ты вытаращился? Ты ж не думаешь, что я поволоку сумки, когда у меня на руках спящий ребенок!

Нет, все было нормально – Дуся в маменьке не обманулся: она, как обычно, накупила себе полное грузовое такси шмоток и при этом – конечно же! – самое главное забыла.

– Дуся! – уже дома, после того, как Евдоким переложил спящую девочку в кровать, обратилась к нему Олимпиада Петровна. – Мы сегодня встретились с Леонидом Семено-

вичем... Он по-прежнему необузданно мил... Так я что хотела спросить – нельзя ли его как-нибудь втиснуть в нашу путевку? Ну чтоб он сошел либо за мать, либо за дитя, а? Он необычайно хочет насладиться отдыхом вместе с нами! Необычайно!

– Маменька! А нельзя ли, чтобы он втиснулся куда-нибудь в другую путевку? – нежно улыбнулся Дуся. – Или, к примеру, поехал бы отдыхать за свои деньги – дикарем!

– Боже! Дуся! О чем ты говоришь? – вытаращила накрашенные глазки Олимпиада Петровна. – Он только-только обрел культурный вид, и опять – дикарем?! Какой ужас! Нет, ты совершенно не понимаешь моей тонкой души... ну хорошо, этот вопрос я возьму на себя...

И она поплыла в комнату, упаковывать чемоданы.

– Кстати! – через минуту кричала она уже оттуда. – Не забудь, Дусеньку мы оставляем на тебя!

Евдоким скорчил йоркширской терьерихе страшную рожу.

– И запомни! Ее надо кормить говяжьей вырезкой и печенкой с геркулесом! А то в прошлый раз, когда мы ее с тобой оставляли, она была просто в шоке! Ты пытался затолкать ей в миску хлеб с консервами! Бедная крошка похудела на целых сто сорок граммов!

– Мама, я все понял... – загундосил сынок.

Мама на минутку умолкла, но зато победно тявкнула йоркширица. Ее лай означал одно: «Говяжьей вырезкой кор-

мить меня, а не самому лопать!»

Дуся быстро наклонился к собачонке и прошептал:

– А будешь тявкать, похудеешь у меня на все триста! Я и овсянку твою лопать начну! Из вредности!

– Дуся! Ты с кем там разговариваешь? – высунулась из своей комнаты озабоченная маменька, но ответить Дуся не успел – раздался звонок в дверь – прибыли грузчики из магазина.

– Ну вот... – торжественно вздохнула Олимпиада Петровна. – Наконец-то! Ребятки, таскать не надо, у меня сынок сам все перетаскает... Дуся! Заноси вещи! Мне надо еще раз все пересмотреть! Мне кажется, я не купила себе зубную щетку, а Машеньке горшок. Дуся, за горшком тебе придется бежать прямо с утра, иначе... ой, ну иначе мы обязательно опоздаем!

Глава 2

Быстрые проводы – долгие слезы... радости

С самого утра Дуся сохранял на лице выражение легкой грусти. Правда, на десять минут он выпал из образа, – когда прибежал соседский мальчишка Юрка и принес липовое удостоверение. Документ был сляпан на славу – фотография и печать, все как надо. Нет, кому надо, тот бы мог уличить предъявителя в подделке, но Дуся все же решил, что женщина этим заниматься не станет, по всем правилам приличия она должна скорбеть о родственнике, а не заниматься экспертизами. И Дуся, успокаивая бдительность матери, снова навесил на физиономию выражение легкой грусти. Успокаивать удавалось с большим трудом – маменька каждую минуту вглядывалась в глаза сыночка и проверяла его душевный настрой. И всякий раз, когда Дуся забывался, и в его глазах проблескивали лучики радости, маменька немедленно настораживалась:

– А не больно ли ты весел, друг мой? Может, ты мечтаешь в наше отсутствие устроить вертеп? Пожалуй, нашу поездку придется отложить. Дусенька совершенно не переносит беспорядка в доме! У нее будет нервный срыв!

Дуся немедленно кручинился и уверял, что собачонка

останется в полном здравии, но, завидев грустную физию сына, Олимпиада Петровна теперь начинала волноваться по новой.

– Дуся, сын мой! Ты печален! Не рви сердце матери, немедленно поезжай с нами! Я представляю, что значит для тебя долгая разлука со мной и Машенькой... Где у нас телефон? Я покупаю еще один билет!

И снова Дуся напрягал все свои извилины, чтобы привести матушку в должное спокойствие:

– Мамуля! Меня ни на день не отпускают с работы! Тем более сейчас – когда стоит вопрос о моем назначении на должность главного санитаря!

– Боже мой! Эти изверги все никак не могут тебя утвердить! Передай своему Беликову, что по возвращении у меня с ним будет очень серьезная беседа. Очень!

Дуся клятвенно обещал, что передаст, что будет вести себя, как первоклассница на первом уроке, и вообще создавал все мыслимые и немыслимые условия для скорейшего отъезда.

Когда же Олимпиада Петровна и Маша помахали из окна вагона, и поезд, лихо свистнув, стал набирать скорость, Дуся взглянул на часы. У него едва хватило времени, чтобы на такси добраться до «Алтая». Удостоверение лежало в заднем кармане, однако журнала «Авто-мото» в руках не было. Нет, Дуся его купил, однако маменька, усаживаясь в вагон и заметив в руках сына нечитанный ею журнал, тут же забрала

его себе:

– Хорошо, что ты догадался! А то ехать в купе – это такая скука!.. Боже, Дуся! Отчего ты не купил «Звездные скандалы»? Как я буду смотреть на эти повозки?!

И вот теперь Евдоким стоял посреди зала с совершенно пустыми руками. Народу было довольно много и найти ту, с кем он разговаривал, было проблематично.

– Официант! – рявкнул вдруг на все кафе сыщик. – А нет ли у вас в продаже «Авто-мото»? Я купил, а у меня его похитили!

Официант посмотрел на Дусю, словно на таракана, и высокомерно унесся по своим делам. Зато из-за дальнего столика поднялась великолепная шатенка и демонстративно скинула с плеч светлый плащ. Под плащом оказался стильный темно-зеленый костюм. Дусина память тут же напряглась и выдала: женщина обещала быть именно в зеленом костюме! И уже совсем уверенно Евдоким направился к столу неизвестной женщины.

– Здравствуйте, это я вам звонил... меня зовут Евдоким. – Он выгнул грудь колесом и полез в задний карман за удостоверением.

– Не надо... – поняла его женщина. – У вас на лбу написано, что вы сыщик, к тому же исключительно любитель. Итак, зачем вы мне звонили?

Евдоким приосанился, собрал брови в пучок и заговорил низким голосом – ему казалось, что именно так должны го-

ворить сыщики.

– Я... кыхы... я должен найти вашего родственника... а кстати, кем вы ему приходитесь?

Дама чуть склонила голову набок и просто ответила:

– Матерью...

Дуся поперхнулся. Ну вот матерью эту железную леди он никак не мог представить. Во-первых... во-первых, мать в поисках пропавшего горячо любимого сына сейчас должна висеть на телефоне и обзванивать все больницы и морги либо звонить в суды, дабы те завели уголовное дело на работников психдиспансера – как они могли упустить больного! И вообще... что-то еще делать... но уж во всяком случае не расслаивать здесь с совершенно непроницаемым лицом, да к тому же не курить эти тонкие сигареты и не стряхивать пепел такими ухоженными пальцами!

– Я встретила с вами только потому, что вы обещали мне помочь... – проговорила холеная красавица. – Меня зовут... зовите меня Сэей. Сразу к делу. Если вы найдете Иннокентия живым, вам перечислят на счет вот эту сумму... если мертвым, сумма будет... такая же, однако же, если вам удастся найти и преступника, сумма увеличится вдвое.

Дама быстро полезла в крохотную сумочку и достала уже приготовленный листок, на котором было написано несколько цифр. Эти цифры, чего уж душой кривить, Дусе понравились. Но все же о главном он не забыл:

– А что? Вы готовы к тому, что Иннокентия... блин, как

же его по отчеству...

– Викентьевича, – подсказала мать.

– Да, его. Вы готовы к тому, что он может быть и не живой? – спросил Дуся, пристально вглядываясь в глаза Сэи.

– В данном случае нужно быть готовой ко всему, – отрезала та.

Дуся мотнул головой и без всякого перехода приступил к вопросам:

– А почему вы такая молодая? Если вы мать, то должны...

– У меня пластика, – прервала его дама.

– Где? – не понял сыщик.

– На лице! Пластическая операция. К тому же... я с молодых лет тщательно слежу за состоянием кожи. И вообще, кроме моего внешнего вида, у вас вопросы имеются?

– Ну конечно! Конечно! – надулся Дуся. – Например, где вы работаете?

– А это важно?... – дернула бровью дама, но ожидать ответа не стала. – Я не работаю. Мой муж зарабатывает столько, что вполне может меня полностью обеспечить.

– Ну хорошо, а... А вы расскажите все. Какие у вас дома были отношения, как потерялся ваш сын, почему сотрудники психдиспансера за ним не уследили? – попросил Дуся.

Дама чуть откинулась на спинку стула, взяла новую сигарету и коротенько поведала о том, как они жили.

– Вы знаете... Иннокентий у нас единственный сын. И... и в общем-то нам хотелось воспитать его по-другому, но...

видимо, из нас получились отвратительные педагоги, потому что... в общем, сын был далек от идеала. Меня всегда поражала его легкомысленность. Он совершенно ни о чем не задумывался, понимаете?

Дуся сосредоточенно кивнул, хотя совершенно не понимал, как это психически больному парню надо было оставаться глубокомысленным. Хотя... кто его знает, он абсолютно не был знаком с такими больными, вот если бы речь шла о роженицах!

– Его отец владеет крупной компанией, и это расслабляло Иннокентия. Он постоянно крутил романы с женщинами, совершенно не задумывался о работе, ему было наплевать на его высокую должность...

– Простите, а где он работал?

С ума сойти! Этот умалишенный парень еще и занимал высокую должность! Обалдеть, кто у нас в руководителях ходит!

– Да нигде он не работал! – фыркнула Сэя и выпустила колечко дыма. – Вика специально для него учредил в своей компании должность, которая оплачивалась весьма достойно, но ответственности никакой не предполагала.

– Простите, а Вика – это кто?

– Вика? – дернула бровью дама. – Ах, Вика! Это Викентий, я так мужа зову. Так вот он устроил сына очень выгодно, Иннокентию оставалось только появляться на работе, хоть изредка. Но тот распоясался окончательно и не являлся в

офис неделями.

– Так, может... может, на эту должность...

– Вы хотите сказать, что кто-то убрал Иннокентия из-за должности? – договорила умница Сэя. – Ну что вы! Должность, конечно, сказочная! Но ведь все прекрасно понимали. Как только уйдет Иннокентий, вместе с ним исчезнет и должность – Вика только собственному сыну мог платить деньги ни за что, причем из своего кармана.

Дуся почесал нос.

– Давайте начистоту... – предложил он. – Вот вы говорите – не ходил в офис, не обращал внимания на работу, а между тем ведь парень был... так сказать, немного не в себе. Да прямо скажем, у него серьезные проблемы с головой были, если он даже в психдиспансере на учете стоял, чего ж от него ждать?

– Ну начнем с того, что Иннокентий уже мужчина, а не какой-то там юный парень – ему тридцать три... А в психдиспансере он лечился... от депрессии. В последнее время он был немного грустный.

Дуся снова обратил внимание на то, какие чудеса творит пластика – мать тридцатилетнего мужика выглядела весьма молодо.

– То есть... чуть парню взгрустнулось, и вы сразу же определили его в психушку, так? А не интересовались, может, у него имелись причины? Может, ему кто-то угрожал? Были крупные неприятности? Он чего-то боялся, от кого-то пря-

тался, а?

– С нашими деньгами прятаться? Да бог с вами! Нет, я, конечно, понимаю – и посильнее нас люди имеются, да только кто же Иннокентия к ним допустит?! Неужели, вы думаете, его отец не понимал, что из себя представляет наш сын? Не-е-ет... а остальное... У него если и случались неприятности, то только из-за баб! – щелкнула по сигарете Сэя. – Их у него было немерено. И... потом, у него были какие-то суицидальные наклонности – говорил что попало, раза два пытался в окно сигануть... У нас правда собственный дом и под окном клумбы, вряд ли он разбился бы, но... сам факт! Конечно, Вика очень переживал и... и когда мы привезли Иннокентия в диспансер, нас похвалили, потому что оказался больным. Это нам уже врачи сказали.

– А вы сами с врачами разговаривали?

– Да что вы! Они же не здесь! Это где-то в Ростове!

– Кто в Ростове? – не понял Дуся.

– Ну диспансер этот! Это же не здесь!... Нет, конечно, Вика уже летал туда, разговаривал, тамошние милиционеры даже завели уголовное дело, однако ж...

Дуся совершенно отказывался понимать происходящее. Он прекрасно помнил Иннокентия – нормальный молодой мужик, и вовсе он не сумасшедший! И потом, он же был раздет до трусов! Это что же, он в таком виде из Ростова бежал?

– М-да... а почему он не был женат? – вдруг спросил Евдоким.

Дама дернулась, пожала плечиками и полезла за новой сигаретой.

– А кто б за него пошел? Он же... он же ни одной юбки не пропустит! Мы-то с Викой понимали – это последствие умственного заболевания, но... какая бы жена стала такое терпеть?

Дуся кивнул. И в самом деле, уж он-то по себе знает: ни одна женщина еще его не любила так искренне, как ему хотелось бы, все только на деньги зарятся. Вот за них они готовы терпеть что угодно!.. Да! Именно готовы! И пусть он бегаёт, и пусть он в психушке, – можно запросто стать его опекуном и пользоваться деньгами в свое удовольствие, такой лакомый кусок, и ведь на морду лица не страшный, и сам на любовь нарывается...

– И что же, у него даже подруги не было? – всерьез засомневался Дуся.

– Ну... если подругой можно считать каждую вторую жительницу нашего города, тогда...

Женщина теперь уже явно намекала, что беседу пора заканчивать, но Дуся не унимался:

– А друзья? У него были друзья?

– Ну какие друзья могут быть у неадекватного мужчины? Вы сами-то думайте, что спрашиваете! Не было у него никаких друзей!

– Хорошо... можно сказать, что он был раком-отшельником... А когда вы его видели в последний раз? С чего вы взя-

ли, что он пропал? Может, нашлась какая-нибудь девица, которая, так сказать, окутала его своей любовью, и он... Молодой же мужик!

– Если бы она нашлась, эта дама, Иннокентий тут же прибежал бы к нам хвастаться – знакомить! – покривилась матушка убиенного. – А с чего я взяла, что пропал? Да с того, что он получал деньги каждый день! И через час у него уже ничего не оставалось. Поэтому звонил отцу на дню по десять раз. А тут... он не проявлялся неделю. Неделю! Этого просто не может быть! К тому же все его документы дома! Нет, он пропал.

– А вы друзьям не звонили, может, он у кого-то из них?

– С чего бы? С отцом они не ссорились, долгов у него не было, отец всегда гасит все его долги, разорился уже почти! Зачем же Иннокентию куда-то убежать?

Женщина отвечала с раздражением, даже не пытаясь его скрыть.

– Вы знаете, Сэя... у меня создается ощущение, что вы уверены в том, что вашего сына уже нет в живых, вы уж меня простите... – вдруг признался Дуся. – Вы настолько уверены, что он погиб, что даже друзьям не звонили!

– А я и не верю! – подтвердила Сэя. – Он погиб, иначе уже давно бы позвонил и попросил денег. И потом... я совершенно не знаю его друзей. У него их никогда не было.

Дуся понял, что больше эта женщина ничего нужного ему не сообщит.

– Как я могу встретиться с вашим мужем? – спросил он.

– Никак, – изумленно ответила Сэя. – А зачем вам с ним встречаться? Вы хотите поковыряться в горе несчастного мужчины?

– Позвольте... но откуда вы точно знаете, что это уже горе? – опять поймал ее на слове Дуся. – Это большая тревога, я согласен, так ведь я и хочу помочь! И потом... уж если горе стойко перенесла сама мать, то отец...

– Простите, мне пора. – Женщина стала подниматься.

– Хорошо, идите... только я немедленно доложу о нашем разговоре милиции. И о своих подозрениях тоже... – решил-ся Дуся. – Мне, например, непонятно – отчего это маменька строит мне такие козни, в то время как я настроен отыскать ее сына? Живого или мертвого.

– Вот в том-то и дело, мертвого... – грустно усмехнулась Сэя и сдалась. – Ладно... записывайте номер Вики. Да! Не вздумайте его так называть, это только мне позволительно! Для вас он Викентий Филиппович Глохов.

И пока Дуся спешно записывал номер телефона, дама поднялась и удалилась, оставив после себя лишь дурманивший аромат неизвестных духов.

Домой Дуся направился сразу же, даже не стал сидеть в кафе после беседы, хотя сначала думал поесть, ведь дома его не ждала даже манная каша.

Придя к себе в квартиру, он сразу же собрался в ванную,

однако маленькая собачонка требовательно тявкнула и уселась возле миски.

– То есть тебя надо покормить, да? А чем, ты мне не хочешь сообщить?.. – ворчал Дуся, проверяя недра холодильника.

Недра обескуражили – на трех полках была грудой навалена собачья еда – и размороженные, и полуразмороженные пакетики, и совсем заледеневшие, – и только для Дуси, маменькиного сыночка, не нашлось ни крошки.

– Вот она – любовь материнская... – горько вздохнул Дуся, плюхнул собачонке в миску содержимое какого-то пакета и налил себе холодного чаю. – М-да... материнская любовь... И отчего же мне так не понравилась эта молодящаяся мамаша? А может, она и не мамаша ему вовсе? Сейчас ведь у богатых сплошь да рядом молоденькие, новенькие жены, а старые... а кто знает, где их старые жены... И эта наверняка не матушка этому Кеше, а мачеха. Отсюда и такое отношение и... кстати... слышишь, Дуська! Я кому тут рассказываю? Я говорю, вот она своего мужа при мне несколько раз Викой назвала. То есть – здоровенный глава компании – Вика... Викуся... Вишенка... ха! Вишенка, здорово я придумал? Не отвлекайся! Так вот, он, значит, – Вика, а сыночек родненький – Иннокентий! И заметь – ни разу не Кеша! А почему? Только не говори мне, что ей не нравится имя Кеша! Она же его сама так назвала! Получается одно – она ему не мать, а... ехидна. Это я в каком-то фильме слышал... Ну чего ты не

лопаешь-то?... А-а, ты уже все смела! Ну ведь такая маленькая, ротик с ноготь, а проглотка еще та!..

Дуся все же залез в ванную. Вылез и уселся думать. Вообще-то этим делом он занимался не часто, поэтому особенных навыков у него не имелось, и все же отдавался он ему со всей душой. Даже в какой-то момент подбежал к телефону и позвони Викусе... Вике, Вишенке.

Трубку долго не брали, а затем глухой мужской голос вяло проговорил:

– Да?

– Добрый вечер, – сразу же затараторил Дуся. – А нельзя ли услышать Вику... тьфу ты, черт... Викентия Филипповича?

– Вика слушает, – без интереса отозвался голос.

– А меня Дуся зовут... имена какие-то у нас неправильные, правда? Бабские, прямо скажем, имена... Да я не об этом... – запутался Дуся и постарался настроиться на нужный лад. – Вы меня не знаете, я член клуба «Филин – ясный сокол», да, у нас такой клуб, который занимается поиском пропавших людей. У вас, случайно, никто не пропал? То есть, извините, я, конечно, знаю, что пропал ваш сын, по телевизору слышал. И наши клубовцы готовы включиться в розыск.

– И вы в самом деле кого-то находите? – все так же равнодушно спросил мужчина.

– А как же! Да только мы и находим! – одухотворенно врал Дуся. – Только нам надо с вами встретиться, и, я бы сказал,

прямо завтра.

– Завтра, завтра, завтра... – забубнил Вика и ненадолго забыл про всяких Дусь. – Ну давайте завтра, только часиков в семь, после работы.

– А я думал, вы так торопитесь найти сына, что ради него забудете про работу, – окончательно обнаглел Дуся.

– Да при чем здесь работа, – наконец по-человечески заговорил Викентий Филиппович. – Я просто рассчитываю, что Кеша найдется без вашей помощи. Чтоб не рылись, не бередали, не копались!

– Зря вы так... мы ж не какие-то там... дураки, тоже кое-что можем! – обиделся Дуся.

– Ну уж... по вашей речи я бы этого не сказал!

– А вот и зря. Вы ж должны понимать, что я так не только с вами разговариваю. И пока остальные будут либеральничать, я как раз и доберусь до самого главного.

Мужчина некоторое время помолчал, а потом согласился:

– Да черт вас знает... может, вы и правы, такие, как вы, везде пролезете... Значит, завтра в час дня. И не опаздывать! Я долго ждать не буду.

– Да я не опоздаю! Вы только скажите, где ждать-то будете!

– Как это где? У меня дома. Не буду же я за вами по всему городу таскаться. Пишите адрес...

– Хорошо... – Дуся быстро записал адрес, а когда собеседник отключился, добавил: – Не будет он... Да если бы ты знал

– ЧТО я знаю, ты бы знаешь куда за мной потащился!

И все же долго Дуся не злился, потому как у него слипались глаза – денек выдался нелегкий. Евдоким залез в кровать и уснул, едва его голова коснулась подушки.

Утром Дусю разбудил настойчивый телефонный звонок. Он еле разлепил веки, так хотелось спать. Сначала и вовсе решил не подходить к назойливому аппарату, но слишком мудрая собачонка подняла такой лай, что пришлось подняться.

– Дуся! – сразу же оглушил его маменькин голос. – Дуся, ты проснулся?! Вставай немедленно и топай на работу! Тебе должны выдать должность главного санитаря. Я уже здесь подумала – пусть и удостоверение выдадут. И в документе напишут, что ты не санитар, а просто «главный». Я уже и соседкам по корпусу сказала, что мой сын главврач в роддоме. Делаю тебе рекламу!

– Ма, а на фига она мне? – не понимал Дуся.

– Глупенький! Проси, чтобы тебе платили по сдельщине – чем больше рожениц перетаскаешь, тем больше получишь. А там уже... хватай на носилки любую да тащи.

– Ма, ты лучше скажи, доехали нормально?

– Так я же говорю, меня здесь встречают как мать главврача! А Машенька уже успела всех покорить! А Леонид Семенович выбил себе местечко в палате, он тоже сказал, что он мать главврача... отец! Отец главврача. Только, сынок, тебе

придется устроить в ваш роддом одну знатную даму. И договориться, чтобы ей выделили отдельную палату, она здесь очень важная птица, просто очень!

– Мам, для важных птиц у нас столичные роддома имеют, а то и вовсе – заграничные!..

– Не спорь с мамочкой! Она птица важная только для этих мест, так что ей и наш город – заграница! Тем более у нее нет гражданства. Так что ты уж подсуепись. Я прямо вечером тебе перезвоню. А если ты не сможешь, я сама твоему Беликову звякну, у меня имеется его телефончик!

Евдоким буркнул что-то нечленораздельное, маменька счастливо прощebetала слова благодарности и отключилась.

Евдоким поплелся на кухню – есть хотелось нестерпимо. А на кухне с последнего его визита не добавилось ни единой крошки.

– Вот черт... – грустно вздохнул Евдоким. – Придется и в самом деле тащиться к Беликову – договариваться насчет палаты... Там хоть покормят...

Уже через час он сидел в кабинете главврача и нудно повторял:

– Ну Матвей Мака-а-арыч, ну о-о-очень надо...

– Голубчик! Откуда я возьму вам отдельную палату? – упирался тот. – Вы просите невозможного!

– Как же невозможного, если у нас такая имеется и в ней отчего-то лежит директор сберкассы из Октябрьского района?

– А и правильно! Лежит! – вскинулся лысенький Беликов. – А потому что ему надо сделать УЗИ всех органов! И еще взять кардиограмму! И еще чтоб его терапевт посмотрел! А в клинике в два с половиной раза дороже, он сравнивал!

– Ну так он уже проверился! И потом, его всегда можно положить в ваш кабинет! – рассуждал Дуся. – Тем более что он ночами и вовсе здесь не бывает.

– Да, но его жена уверена, что он – здесь! – никак не соглашался Беликов.

– Матвей Макарыч! Если вы не согласитесь, к вам придет моя маменька, я вас честно предупреждаю. А уж она найдет отдельную палату, будьте уверены, – махнул рукой голодный Дуся.

– Ваша маменька? – переменился в лице главврач. – Это еще зачем? Неужели вам в самом деле до такой степени нужна эта палата? Господи! Ну какие сложности! Сделаем!

От главврача Дуся вышел в самом распрекрасном настроении – он давно заметил: если с утра дела решаются успешно, то и весь день будет удачным.

Евдоким направился в столовую, и, хоть завтрак уже кончился, добродушная повариха тетя Наташа наложила ему полную тарелку манной каши.

– Да что вы, в самом деле, как сговорились! – не удержался Дуся. – То матушка кашей в нос тычет, то вы!

– А чем же мне прикажешь рожениц кормить? Рис не за-

везли, гречка вчера была! – развела руками тетя Наташа. – Да ты попробуй! С маслицем! С молочком!

С маслицем и молочком каша пошла на ура, Дуся даже добавки просил... Два раза.

И вот в ту самую минуту, когда он доедал вторую добавку, к нему подсела медсестра Раечка.

– Дуся! Ты здесь? Какая удача! А я уже хотела сама к тебе идти, прямо на дом, – откровенно доложила она, уложив подбородок на кулачок.

– Ко мне? – удивился Дуся.

Он давно замечал, что Раечка строит ему глазки, но старался не реагировать.

Дело в том, что Раечка строила глазки каждому мужчине, кто зарабатывал чуть выше санитаря – девица мечтала устроить свою судьбу, причем устроить удачно. Санитары в ареал ее поисков не попадали по причине скудной зарплаты, однако для Дуси было сделано исключение. И Дуся даже догадывался почему.

– Раечка, а что ты забыла у меня дома? – как можно невиннее спросил он.

– Я ничего не забыла. Я буду тебе помогать. Ты же взял отпуск, чтобы опять какое-то расследование проводить, правильно же? Я видела милиционеров возле нашего хозблока, не отпирайся. И санитарки наши болтают, что этот растреклятый Филин опять что-то унюхал. Так что... я решила тебе помогать!

– Зачем? – изумился Евдоким Филин.

– Затем! – выпрямила плечики Раечка. – Я окажусь рядом в трудную минуту... у тебя же там будут трудные минуты, так?

– И чего?

– Вот! Я как раз в ту минуту окажусь рядом, закрою тебя своей грудью и... и ты на мне женишься!

– Классно, – отложил ложку в сторону Дуся. – А потом ты отберешь у моей матери все мое состояние...

– Да! И мы станем богатыми! – закончила Раечка со счастливым блеском в глазах.

– Ага... понятно... а потом... – рассуждал Евдоким. – Потом ты отберешь все состояние у меня...

– Да! И я стану бога... Дуся! Ну о чем ты таком говоришь! – опомнилась Раечка. – Ну зачем мне отбирать состояние у тебя? Мы сможем запросто тратить твои миллионы вместе!

– А я их и без тебя могу запросто тратить! – вылетело у Дуси.

Девчонка осуждающе покачала головой и сообщила:

– В твоём возрасте уже все порядочные мужчины женаты! И если ты не хочешь подумать о своей судьбе!.. Если ты не хочешь подумать о судьбе своей маленькой дочурки!.. То имей совесть! Подумай хотя бы обо мне! Где я ещё найду такого вот миллионера?! Они отчего-то совсем не хотят обращать внимания на медсестер! Да ещё ладно бы я работала

где-нибудь в... Кремлевском госпитале! А то ведь... мне что – рожениц обольщать?

Девушка была всерьез обижена и даже собиралась пустить слезу. Дуся же вовсе не умел утешать девушек. И что надо сейчас сказать Раечке, он просто не мог представить. Нет, представить мог, но после этого ему пришлось бы срочно отпраиваться в загс, а он не хотел. Ну нет любви, так какой к черту загс?!

Положение спас Пашка. Он вбежал в столовую и сразу же завопил:

– Дуся! А я тебя весь день ищу! Ты куда подевался?

– В отпуск, – облегченно выдохнул Евдоким. – Вот сейчас позавтракаю – и домой.

– погоди! Домой он, – быстро подсел к нему Пашка и обернулся к Раечке. – Раиса! Тебе уже там все обыскались! Дуй давай на свое рабочее место, там таблетки пора разносить!

Девушка фыркнула, изогнулась кошкой и плавно подалась из столовой, призывно виляя бедрами.

– Дуська, мне с тобой поговорить надо... – быстро зашептал Пашка и выпалил, будто самую страшную тайну: – Мне деньги нужны, дай займы, а?

– Да откуда у меня день...

– Понимаешь, Валька – жена моя... ну она вся больная такая, ребеночка родить не может, а тут ей сказали, что у нее рак... что-то с грудью, ну и... нужна срочная операция. Она,

понимаешь, в такой жуткой депрессии! Вообще! Дома сидит уже третью неделю – не выходит, на улицу даже не смотрит. И даже... Ой, Дуська, она даже самую чуточку похудела, прикинь!

– Да у меня все деньги на счетах у маме... – попытался вставить слово Дуся, но Пашка его нещадно перебил.

– Да мне и нужно-то каких-то триста тысяч!

– Я ж тебе говорю, у меня...

– На год! В рассрочку! Тебе для друга жалко? Ну чего молчишь-то?

– А как я скажу, если ты мне рта раскрыть не даешь?

– Ну хорошо, – смиростивился Пашка. – Открывай свой рот. Только сразу скажи – дескать, даю тебе деньги, мой хороший, добрый друг Павел. Отправляй жену на лечение. И не торопись отдавать долг, мне не к спеху, отдашь через два года.

Дуся упрямо жевал уже холодную кашу.

– Да чего молчишь-то? То я ему слова не даю вставить, то сам молчит как рыба! – рассердился Пашка. – Я уже за тебя все сказал, тебе только повторить осталось!

– А теперь меня послушай, – вытер рот рукавом Дуся. – Значит, так – я завтра позвоню в банк, узнаю, сколько у меня на счету осталось, а потом тебе уже отвечу, смогу ли я одолжить тебе денег или у меня их нет.

– Да как нет-то? У тебя ж...

– Еще раз говорю – это не у меня, а у маменьки! А уж она

ни за что не даст. Она даже мне не дает.

Пашка мотнул головой и поспешил к выходу.

– Короче... заметано! Я Вальке сегодня скажу, что ты деньги на лечение даешь, идет?

– Да говори ты что хочешь! Ему одно, а он другое! – вконец обозлился Дуся, с грохотом отставил в сторону тарелку и быстрее Пашки вышел из столовой.

Время пролетело незаметно. Не успел Дуся вымыть после столовой руки, как уже надо было бежать на остановку – до дома Викентия Филипповича путь был не близкий.

– И когда я куплю себе машину? – трясась в автобусе, сам себя спрашивал Дуся. – Серьезный, состоятельный мужчина, а катаюсь, как подросток, на автобусе, честное слово...

Дом Глоховых оказался очень заметным. Его Дуся увидел еще с остановки. Вернее, он просто приметил красивый, высокий дом, а потом так удачно оказалось, что этот дом и есть дом Глоховых.

Дусю уже ждали. Чопорная пожилая дама в беленьком фартучке, чинно поджав губки, повела его в недра красивого здания.

Глохов Викентий Филиппович сидел в чайной комнате, за столом, в длинном домашнем халате, чем несказанно удивил Евдокима – вроде как он не хотел отказываться от работы, а чего ж тогда в халате? Хозяин пил чай из удивительно красивых чашек и, вероятно, ждал гостя, потому что чашек бы-

ло две. К тому же на столе стояло просто невыносимо много вкусовых, отчего у Дуси, как у старой собаки, немедленно потекли слюни.

– Здрассьть... – робко дернул головой Дуся, косясь на конфетные вазы. – Мне бы поговорить...

– Садитесь, – пригласил Викентий Филиппович. – Ирина Степановна, налейте гостю чаю!.. Давайте сразу к делу. Что вы хотели бы знать?

– Все! – немедленно выпалил Дуся, внимательно следя за тем, как строгая Ирина Степановна наливает ему чай. Между прочим, могли бы и побольше чашечки выдать. Дуся дернул головой, настроился на детективную волну и зачастил:

– Давайте с главного. С кем дружил, с кем жил, кто у него ходил в подругах и даже почему находился в сумасшедшем доме!

Глохов на минуту задумался, и, пока он думал, с чего начать разговор, Дуся беспрепятственно его разглядывал. Ну, во-первых, его сразу же поразила огромная разница в возрасте, – Глохов казался сильно старше своей супруги. Если Сэе было лет тридцать, то ее мужу – за восемьдесят. Достойный, но все же слабый старик, и даже через всю эту мишуру: богатый халат, ухоженную шевелюру и наманикюренные ногти – это явно бросалось в глаза.

«А чего? – сам себе пояснил Дуся. – Теперь это модно. Мужик состоятельный, почему не завести себе молоденькую жену?! Кстати, мне уже давно надо бы об этом задуматься...»

– Начнем с того, что Кеша никогда не был в сумасшедшем доме, – сообщил вдруг Викентий Филиппович.

– Но позвольте! Как это не был?! Мне даже его мать лично об этом сообщила! – возмутился Дуся. – Что значит не был?

– А то и значит, – спокойно проговорил Глохов. – У него для этого не имелось никаких причин.

– Но... а по телевизору? – вытащил последний козырь Дуся.

– Да... только вот телевизор, но это... понимаете, мой сын, он очень добрый, веселый человек, но иногда... иногда попиывает, волочится за девицами и вообще ведет себя не самым достойным образом. И будет лучше, если все, кто его увидят, спишут это на недуг, нежели на плохое воспитание...

– Странно... Это вы нормального человека в психи записали? – не мог поверить Дуся.

– Ну и еще... – не слушал его Глохов. – С такой рекомендацией он долго не пробегает, вернется домой.

– А вот вы бы не могли подумать, у кого он... ну, где он бегаёт? Что, у него уж прямо совсем друзей никаких не имелось? – аккуратненько, как ему показалось, спросил Дуся.

Старик отвел глаза в сторону.

– У нас с сыном не было взаимопонимания. – Теперь Глохов рассказывал не Евдокиму, а просто говорил сам с собой. – Это моя вина – я работал, устраивал семье безбедную жизнь, а вот что в ней, семье, творится – разглядеть не всегда хватало времени. Да и желания, как это ни постыдно зву-

чит. Ведь у нас зачастую как бывает – подбежит малыш, потянет тебя за руку или рассказать что-то попытается, а ты с работы. И так тебе не хочется, чтобы тебя кто-то тревожил! Куда лучше спокойненько поваляться на диване, почитать, посмотреть всякую муть по телевизору, отдохнуть, что называется. И ведь какое отличное оправдание – ты на работе устал! А потом... потом малыш подрастает, но у тебя еще есть время его не потерять, ты можешь что-то у него спросить, поинтересоваться, узнать, какую он музыку слушает, какие фильмы смотрит, но... опять тот же диван, тот же телевизор и то же спокойствие – главное, чтобы никто не вторгся в твой мирок. И между тем ты опять расчудесный семьянин. Проходит немного времени, и музыка твоих детей начинает тебя раздражать, их любимые фильмы кажутся тебе идиотскими, компьютер и вообще – враг! И в то время бы очнуться от диванного-то гипноза, да только... только ведь опять лень. И стараешься думать, что ты снова заботливый семьянин и распрекрасный отец. А уж потом... потом дети вырастают. И не к тебе они бегут со своими радостями и обидами, у них для этого имеются другие люди, и не всегда самые замечательные, да только мы этого теперь уже не узнаем. А если ты и узнаешь, то уж будь уверен, твой сын не станет стоять и слушать тебя, раскрыв рот, он кинется защищать своих близких. Да, друг мой, потому что для него ОНИ уже давно стали близкими, а вообще не ты. И это им он безоговорочно поверит, если они скажут, что твой отец – старый дурак, а

мать потаскуха. Потому что... потому что они не пилились в экран, а если и пилились, то вместе с твоим ребенком. И тут родители заламывают руки и спрашивают – ГДЕ?!! Где она, великая благодарность?! Мы же все для тебя, любимого и единственного, делали!!! А это ВСЕ и не надо ему вовсе, а надо что-то другое... Так что... Не знакомил нас сын со своими друзьями и не рассказывал про своих знакомых. Ничем не могу помочь.

Дуся выслушал грустную речь отца, которому было еще не известно о кончине его сына, немного задумался, но потом очнулся.

– Но ведь... погодите, я понимаю – вы устраивали безбедную жизнь. А ваша жена? Она же сидела дома и занималась ребенком! Или... – Дуся все же решил блеснуть своей догадкой. – Или Иннокентий – это ваш сын от первого брака? А Сэя ему мачеха?

Викентий Филиппович поднес чашечку с чаем к губам и забыл про нее.

– Марсель Викторовна – его родная мать. Да, она намного моложе меня, на тридцать с лишним лет, я взял ее шестнадцатилетней девочкой, но Иннокентий – ее сын. Она родила его, когда ей было семнадцать.

– Вы... вы хотите сказать, что Сэе... или Марселе... как там правильно-то... вы хотите сказать, что ей – пятьдесят? – не поверил Дуся.

– Нет, ей пятьдесят один, – бесстрастно подтвердил ста-

рик. И увидев, как недоверчиво вытянулось лицо собеседника, пояснил: – Поймите же: на такие операции у меня достаточно денег, а Марсель помешана на своей внешности.

Дуся выпил чаю, закусил конфеткой.

– И шео... – попытался спросить он, но с полным ртом не получилось. Прожевал. – И чего? Ну, она помешана на внешности, за собой ухаживает, а за сыном не следит, так, что ли?

– Я бы не так сказал... Просто... в один из моментов они потеряли нить взаимопонимания. У Марсель слишком строгие требования, а Кеша... он по натуре ближе ко мне, а я... я не находил времени...

Дуся не знал, как спросить дальше – стеснялся, да к тому же и рот был забит конфетами, поэтому он для приличия помолчал, а потом, погрузнев, спросил:

– Ну а... а с женским полом у него как было? Девушки там... любовницы...

– Девушки... да нормально у него было с девушками. Были... Да вы лучше у Марсель спросите, она – женщина, ей все эти амуры ближе... – как-то непонятно отговорился Викентий Филиппович и снова позвал горничную: – Ирина Степановна! Проводите гостя, у меня уже время кончается... Простите, больше не могу уделить вам внимание, дела...

Он поднялся и, не обращая внимания на растерянного Дусю, у которого имелась еще парочка вопросов, величаво вышел из комнаты.

– Вот те здрасьте! – захлопал глазами Евдоким, уставившись на Ирину Степановну.

– А я бы сказала: до свидания. – Чуть склонила голову та и настойчиво предложила: – Пройдемте.

– Нет, погодите, а может... а вот вы что скажете про вашего молодого хозяина? – встрепенулся Дуся.

– Ничего. Я здесь работаю горничной, а не представителем желтой прессы, – гордо надулась дама.

– Очень жаль, очень жаль... а охрана здесь имеется? – на всякий случай уточнил Евдоким Филин. Если охраны нет, так можно и задержаться – побродить, посмотреть... может, какие отпечатки, хотя на фига они сдались?

– Имеется, – коброй взглянула на него горничная и добавила: – Усиленная.

– Ну тогда, что ж... тогда не могу больше порадовать вас своим присутствием.

– Да уж, более не радуйте...

Дуся вышел из дома Глоховых с таким привкусом во рту, как будто проглотил клопа-вонючку. А ведь ел-то одни только дорогие конфеты!

Он еще вертел головой, вспоминая, в какой стороне остановка, когда его кто-то настойчиво дернул за рукав.

– Ой, мамочки! – от неожиданности по бабьи взвизгнул сыщик.

– Дуся, не ори! – долетело до него из-за кустов. – Это я – Раиса!

В кустах и в самом деле пряталась медсестричка Раечка, которая упрямо набивалась ему в спутницы жизни.

– А ну вылазь из чужих зарослей! – окрысился на нее Дуся. – Здесь охрана имеется! Усиленная! Из-за тебя и меня сейчас загребут!

Раечка показалась из кустов, старательно стряхивая с джинсов прилипшие колючки, и деловито защебетала:

– Между прочим, я тебе подогнала одного стоящего свидетеля.

– Какого свидетеля?! Ты... пойдём, отойдём подальше... – потянул ее в сторону от глуховского забора Дуся, а уж отойдя, дал волюшку нервам. – Ты вообще как здесь оказалась?! Какого черта за мной по пятам таскаешься?! Ты следишь за мной, что ли? Да кто тебе вообще дал право?!!!

– Да никто, чего ты так разорался, – отмахнулась вредная девка. – Я ж тебе сказала: хочу закрыть тебя своей грудью.

– Ты!.. Ты вообще-то свою грудь видела?! Чем там закрывать?! – не удержался Евдоким. – И вообще, следить за мной, это... это... Вот дрянь какая!

– Я ж просила – не ори. Короче, свидетеля допрашивать будем? – ничуть не испугалась медсестра. – Между прочим, я вчера хотела специально отпуск взять по семейным обстоятельствам, а меня непустили. Пришлось уволиться. Я даже на выходное пособие рукой махнула. Теперь тебе придется меня за собой таскать, все равно не отстану. Ну так вот, а потом я... нет, ну конечно же, я за тобой следила! Мы еще в

детстве играли в сыщиков-воров...

– Здесь тебе не игрушки! – сурово рявкнул Дуся. – Здесь... тут и убить могут. По-настоящему!

– Во-от, я ж говорю! – согласилась девчонка. – Тебя только убивать начнут, а тут я! Дрынц – и заслону гру... грудной клеткой! Короче, пока ты там внутри был, я тут снаружи бабушку одну нашла – закачаешься! Она сюда молоко приносит. Ой, сколько всего расскажет!.. Ну чего ты палишься, идем, она мне свой адресок дала, между прочим за символическую плату.

– Ох уж эти мне символы... – буркнул Дуся и направился за Раечкой.

Та уверенно выбралась из кустов и отправилась напрямиком к новенькой иномарке, стоявшей на обочине дороги.

– Раиса! Куда тебя тянет? – рявкнул на нее Дуся. – Если ты хочешь знать, я вовсе даже приехал на автобусе! И вообще, роскошь в некоторой степени презираю! Это не моя машина, не трогай руками!

– Да успокойся, Дуся, это моя! – не оборачиваясь, обронила Раечка. – Садись.

Дуся не мог садиться, он даже рта закрыть не мог. И только минуты через три его прорвало:

– Ты?!! Откуда ты ее надыбала, горе луковое?! Что ты себе позволяешь?! Я даже... даже мне мама... Я нищий миллионер, а ты! Ты – зажавшаяся медсестра! Откуда у тебя такое... машина?! Откуда?!

– Да это мне папа подарил, чего орать-то? – дернула плечиком Раечка, прыгнула за руль и уверенно нажала на педаль.

Бабушка жила недалеко, и на машине они доехали за считанные минуты. А Дуся и вовсе времени не заметил – так он был расстроен, рассержен, и вообще! Это ж надо – скромненькая работница роддома, таблеточки тетенькам в ротик сует, укольчики в попу делает, а туда же – выпендрилась, иномарку водит! Воображуля Кряка – ноги раскорякой!

Сразу за богатыми коттеджами показалась небольшая, но довольно ухоженная деревушка. Домики здесь были хоть и не такие роскошные, но тоже красивые и добротные. А вокруг домиков росли деревья, кусты и прочая зелень.

И дворик бабушки-свидетельницы тоже утопал в зелени, и, казалось, будто бы пушистые кусты ждут гостей – так приветливо покачивались они от ветерка. И все было таким гостеприимным, что Дуся с Раечкой смело открыли калитку и поднялись на крыльцо.

Кусты-то, может, гостей и ждали, но только не сама бабушка. На деревянных дверях висел огромный амбарный замок.

– Не понял... – обернулся к Раечке Дуся. – А где свидетель?

– Украли!.. – от ужаса округлила глаза та. – Дело принимает крутой оборот – у нас уводят ценных свидетелей! А значит... значит, мы ступили на верную тропу и тебя тоже скоро

попынут устранить. Вот тут моя грудь и пригодится!

Дуся только безнадежно взглянул на то место, где у порядочных дам находится этот необходимый предмет женской гордости, и тяжело вздохнул. А потом молчком направился к домику, находящемуся через дорогу, там, встав в позу «дачника», то есть тылом кверху, трудилась темная от загара женщина.

– Госпожа! – вежливо окликнул ее Дуся. – Не будете ли вы так добры...

– Чаво?! – разогнулась госпожа. – Опять, что ль, бутылки собираете? Работать надо, а не по домам шастать! Вон брюхо какое наел, а сам токо и знат, что люд обирать!

– Я бы попросил моего брюха... моей личности не касаться! – взвизгнул Дуся и сурово насупился. – Мне нужно знать, где находится хозяйка вот этого дома! – Он решительно ткнул пальцем в сторону хибары пропавшей свидетельницы.

– Это Афанасьевна, что ль? – как-то совсем радостно вдруг заговорила тетка. – Это вы, что ль, у ей дом хотите купить?! Ой, да и купите уж поскорее! А то ить нам от ее просто никакого житья, всех городских к себе переманила, а ить мое-то молоко куда жирнее! Правда, горькое, так это потому что Мурка... это корова моя, так вот она, скотиняка, одну полынь жреть, и хоть что ты с ей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.